
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ РАННЕГО И.А. БУНИНА (поэзия конца 1880—1890-х гг.)

Р.М. Балановский

Кафедра русской литературы и журналистики XX—XXI веков
Московский педагогический государственный университет
ул. М. Пироговская, 1, Москва, Россия, 119435

В статье рассматривается отражение мирозерцания раннего И.А. Бунина в его поэзии конца 1880-х — 1890-х гг. Уделяется внимание мотивным и образным проявлениям мирозерцания И.А. Бунина, выявляется роль русской классической поэзии XIX века в его формировании.

Ключевые слова: И.А. Бунин, мирозерцание, поэзия, традиция, лирический герой, мотив, созерцатель.

Поэзия И.А. Бунина в ее глубинном содержании не сразу была оценена современниками. Поначалу к ее достоинствам относили гармоничность, искренность, умеренность, ясный смысл, чуткость к красоте, к родной природе, цельность, первозданность и простоту, верность классическим традициям; к недостаткам — описательность, безыдейность, безэмоциональность, «ограниченный „идеализм“» [1. С. 142], однообразие тем, «постоянную склонность к морализированию» [2. С. 70]. Затем начали появляться более продуманные и объективные оценки. Так, Г.И. Чулков говорил, что И.А. Бунин-поэт «редко философствует и рассуждает», не ищет «чужих даров» [1. С. 142]. Но если он и стремится к этому, то ему не удается стать «поэтом-мыслителем» (Ф.Д. Батюшков). Он чаще мечтает и созерцает, его образы не служат «формой выражения отвлеченной мысли» [3. С. 399].

Количество подобных суждений стало возрастать в период его эмиграции. Именно тогда в И.А. Бунине попытались разглядеть рефлектирующего, вдумчивого поэта, стих которого обладал «пронзительной лиричностью и глубокой философичностью» [4. С. 528]. Ф.А. Степун одним из первых заметил, что в поэзии И.А. Бунина «с наибольшей глубиной раскрывается его мирозерцание» [5. С. 234]. Текстуально, полагал критик, оно проявляется в «главных, постоянно возвращающихся мотивах бунинского лирического раздумья над сущностью мира и жизни» [5. С. 234]. Об отдельных сторонах мирозерцания И.А. Бунина писали также Г.В. Адамович, Ю.И. Айхенвальд, В.В. Вейдле, К.И. Зайцев, В.Н. Ильин, П.Б. Струве, М.О. Цетлин и другие критики. Однако «внутренние пути» (В.Ф. Ходасевич) бунинского творчества по-прежнему оставались неизученными. Рассмотрению его внутренних истоков на раннем этапе (конец 1880-х — 1890-е гг.) и посвящена эта статья.

Имя И.А. Бунина стало известным после выхода его первых поэтических книг: «Стихотворения 1887—1891 гг.» (1891) и «Под открытым небом» (1898). Можно сказать, что И.А. Бунин в них и стилистически, и мирозерцательно вырос из русской классической традиции. Ей он оставался верен и в последующие

годы. Из поэтов начала XIX века на него повлияли В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин. Поэтический отклик в душе И.А. Бунина нашли и такие поэты середины века, как Н.А. Некрасов, А.К. Толстой, Ф.И. Тютчев, а также старшие современники — А.Н. Майков, С.Я. Надсон, Я.П. Полонский, поздний А.А. Фет и др.

В ранней поэзии И.А. Бунина присутствовало даже не столько влияние отмеченных поэтов, сколько, по наблюдению А.А. Блока, «однородный строй души» [2. С. 69]. В каждом из них И.А. Бунин видел поэта-идеалиста, певца «святых чувств», возвышенного идеала. «...Поэзия, — вспоминал пятнадцатилетний И.А. Бунин В.А. Жуковского, — есть Бог в святых мечтах земли... Мне скажут, что я подражаю всем поэтам, которые восхваляют святые чувства и, презирая грязь жизни, часто говорят, что у них душа больная; я слышал как говорят некоторые: поэты все плачут! Да!.. *поэт плачет о первобытном чистом состоянии души...*» [6. С. 19] (здесь и далее курсив наш. — Р.Б.).

У раннего Бунина «плач» о таком состоянии души начал раскрываться на фоне «интимного пейзажа» — как эстетический акт «сочувственного созерцания природы» [7. С. 8]. Красота «беспорывной» (Н.В. Гоголь) русской природы развила в лирическом герое И.А. Бунина «мечтательную наблюдательность» (В.Я. Брюсов), а его поэзии подарила медитативное начало. Современникам она напомнила «чистую живопись» (М.А. Волошин), которую чутко воспринимающий природу поэт писал очень точно подобранными красками.

Живописность ранних бунинских стихотворений проявлялась в том, что внутренний мир лирического героя раскрывался в них косвенно — через описание пейзажа или усадебного, деревенского быта. Отсюда — преобладание «ландшафтности» над эмоциональностью. Семантически это представлено отсутствием лексем, обозначающих мысли, действия и переживания лирического героя:

В туче, солнце заступающей,
Прокатился гулкий гром,
Ангел, радугой сияющий,
Золотым взмахнул крестом —
И сорвался бурей, холодом,
Унося в пыли бурьян,
И помчался шумно, молодо
Дымным ливнем ураган [8. С. 23].

Кроме этого стихотворения 1891 года, к числу описательных, «ландшафтных» также относятся «Прошел внезапный дождь косыми полосами...» (1889), «Как дымкой даль полей закрыв на полчаса...» (1889), «Соловьи» (1892). Описательны отдельные строфы многих других лирических текстов И.А. Бунина.

В тех стихотворениях, где сквозь русские усадебные и сельские пейзажи проглядывает облик лирического героя, узнаются раздумья юного Бунина, которые он потом вспомнит в «Жизни Арсеньева» (1933). Становятся очевидными и основные мотивы, перенятые от почитаемых Буниным поэтов. Из пушкинской лирики ранний Бунин заимствует вольнолюбивые мотивы, связанные с идеей по-

бега от современной цивилизации к миру природы, «возвращения к простоте» (Д.С. Мережковский), уединения, с образом естественного человека:

А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж — и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень [8. С. 18].

В стихотворении «Подражание Пушкину» (1890) И.А. Бунин перенимает не только мотивы, но и отдельные обороты пушкинских текстов, в целом стиль русского романтизма начала XIX века:

От праздности и лжи, от суетных забав
Я одинок бежал в поля мои родные,
Я странником вступил под сень моих дубрав,
Под их навесы вековые,
И, зноем истомлен, я на пути стою
И пью лесных ветров *живительную влагу*...
О, возврати, мой край, мне *молодость мою*,
И *юных блеск очей*, и *юную отвагу*! [8. С. 23].

В конце стихотворения возникает мотив благословенного мира и романтический образ «обетованного отеческого края», которому поэт приносит «остаток гордых сил»:

Ты видишь — я красоты твоей не позабыл
И, сердцем чист, *твой мир благословляю*...
Обетованному отеческому краю
Я приношу остаток гордых сил [8. С. 23].

Размышляя о своей Родине, начинающий Бунин, кроме А.С. Пушкина, обращается к Ф.И. Тютчеву, вспоминает его знаменитые строки:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты Русского народа!
.....
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя [9. С. 71]

и пишет элегическое стихотворение «В степи» (1889). Это длительная пейзажная медитация, своеобразная исповедь лирического героя природе, «кочующим птицам». Как своему ценному и единственному собеседнику он им признается:

Родные степи. *Бедные селенья* —
Моя отчизна; я вернулся к ней,
Усталый от *скитаний одиноких*,
И понял *красоту в ее печали*
И счастье — в *печальной красоте*.
.....

Я в эти дни люблю бродить, вдыхая
Осинников поблекших аромат
И слушая дроздов пролетных крики;
Люблю уйти один на дальний хутор... [8. С. 20].

В этом стихотворении И.А. Бунин предвосхищает свое отношение к России и в зрелом творчестве. Если у Ф.И. Тютчева «за *Россией земной* — живет, созерцает, поет, молится и творит *Россия духовная*» [10. С. 169], то для И.А. Бунина важна земная Россия, укорененная в природе, национальном быте. Эта степная и бытовая Русь и пробуждает в лирическом герое И.А. Бунина безотчетную грусть и вместе с этим чувство прекрасного: «А мир везде исполнен красоты. // Мне в нем теперь все дорого и близко» [8. С. 20]. Если Ф.И. Тютчеву дорога народная память о Святой Руси и героем его стихотворения становится «народ-богоносец» (Ф.М. Достоевский), то И.А. Бунину — «печальная красота» природы, которую в одиночестве постоянно созерцает его мечтательный наблюдатель.

Мотив «одиноких дум», оторванности от мира — едва ли не центральный у раннего И.А. Бунина. Этот мотив во многом созвучен кризисному мироощущению эпохи «безвременья», конца века, моменту вступления И.А. Бунина в литературу. Тогда творили А.Н. Апухтин, А.А. Голенищев-Кутузов, К.Р. Случевский и К.К. Случевский, К.М. Фофанов и другие поэты «глухих» лет. Но истинным «властителем дум» 1880—1890-х гг. был признан С.Я. Надсон, сказавший от имени всего поколения:

Наше поколение юности не знает,
Юность стала сказкой миновавших лет;
Рано в наши годы дума отравляет
Первых сил размах и первых чувств рассвет [11. С. 238].

В лирике С.Я. Надсона молодой И.А. Бунин видит созвучные своим настроения «страдания и чистой любви», одиночества и «грустных дум». Вполне возможно, из надсоновского «Сейчас только песни звучали...» (1880):

Сейчас только песни звучали
В саду над уснувшей рекой
И светлые звуки бежали
В погоню за светлой волной.
.....
И вдруг все уснуло глубоко,
Задумалась ночь над землей,
И в сад я схожу одиноко
И тихо брожу над рекой [11. С. 131] —

и вырастают следующие бунинские строки:

Один встречаю я дни радостной недели, —
В глуши, на севере... [8. С. 18].

И веет холод ночи на меня,
И я стою, безмолвием объятый...
Как хороша, как одинока жизнь! [8. С. 52].

В стихотворении «Мать» (1886) С.Я. Надсон вспоминал о своем «тяжелом детстве» и о том, к чему оно привело:

*Я рос одиноко... я рос позабытым,
Пугливым ребенком, — угрюмый, больной,
С умом, не по-детски печалью развитым,
И с чуткой, болезненно-чуткой душой... [11. С. 67].*

Почти о том же три года спустя говорил И.А. Бунин, чье одиночество, правда, было вызвано не столько семейными драмами, сколько «вечной тишиной... полей», жизнью «в великой глуши»:

*Вся молодость моя — скитанья
Да радость одиноких дум! [8. С. 18].*

С.Я. Надсон, как и многие его поэты-современники, по мирозерцанию был близок М.Ю. Лермонтову и видел в нем своего предшественника. Возможно, и С.Я. Надсон привлёк И.А. Бунина тем, что во «властителе дум» звучала не только кризисная эпоха, но и голос самого М.Ю. Лермонтова. У раннего Бунина, где мотив одиночества достигает предельной глубины и силы, становится очевидной лермонтовская традиция. Бунинское «За рекой луга зазеленели...» (1893) своими интонациями очень напоминает лермонтовское «И скучно и грустно...» (1840). Те же риторические вопросы, тот же комплекс мотивов безысходности, тотального одиночества, разочарования, чуждости миру:

*Не пойму, кого с тоской люблю я,
Кто мне дорог... И не все ль равно?
Счастья жду я, мучась и тоскуя,
Но не верю в счастье уж давно!*

*Горько мне, что я бесплодно трачу
Чистоту и нежность лучших дней,
Что один я радуюсь и плачу
И не знаю, не люблю людей [8. С. 28].*

Выход из антропологического одиночества один — не верить «голосу ума», уметь находить упоение в грусти, тайных волнениях:

*Душа готова вновь волненьям предаваться,
И сладко ей грустить и грустью упиваться,
Не внемля голосу ума [8. С. 51]*

или делить это одиночество с природой, видеть родственную себе тоску в «гуле горных сосен»:

*И в шорохе глухом и гуле горных сосен
Я чувствую тоску их безнадежных дум... [8. С. 53]*

быть пассивным «медиумом» (И.А. Ильин) просторов, далее, всего бытия:

*И обнимает эта даль, —
Душа отдаться ей готова,
И новых, светлых дум печаль
Освобождает от земного [8. С. 49].*

Мотив освобождения от земного звучит в финале стихотворения «На поднебесном утесе, где бури...» (1889):

Пью, как студеную воду,
Горную бурю, свободу,
Вечность, летящую тут [8. С. 17].

Созерцая гармоническое устройство творения, размышляя о вечном, наблюдательный мечтатель И.А. Бунина задумывается о Творце. Находясь в костеле перед Распятием, слушая орган и примечая в хоре «скорбь и... муку о земном», лирический герой взволнованно вопрошает Бога-Творца:

Для чего звучит во храме
Снова *скорбный стон*,
Снова *дымными огнями*
Лик Твой озарен?

И Тебе ли *мгла куренья*,
Холод темноты,
Запах воска, *запах тленья*,
Мертвые цветы?

Ожидающий лирического героя за порогом католического храма «скорби» другой «храм» видится ему более радостным и праздничным. Именно туда он устремлен своими мыслями, там он готов всецело славить Творца:

Дивен мир Твой! Расцветает
Он, Тобой согрет,
В небесах Твоих сияет
Солнца вечный свет.

Органу и хору в костеле противопоставляется «гимн природы», Церкви как мистическому «Телу Христову», дому Бога — дом всего животного мира и человека:

Гимн природы животворный
Льется к небесам...
В ней Твой храм *нерукотворный*,
Твой *великий храм!* [8. С. 22—23].

Очевидно, что в стихотворении религиозное чувство постепенно переходит в эстетическое. Порыв лирического героя к Богу безотчетен, опосредован внешней красотой творения. Уравнивая творение с его Творцом, лирический субъект неосознанно уподобляется древним — в своем пантеистическом мирозерцании.

Стихотворение «Под орган душа тоскует...» (1889) развивает тему католических храмов у раннего И.А. Бунина. Здесь лирический герой, в очередной раз предстоя перед «Благим и Скорбным» Богом, просит у Него милости ко всему земному:

О Благий и Скорбный!
Буди Милостив к земле!
Скудны, нищи, жалки люди
И в добре, и в зле!

Неожиданной в итоге становится просьба о самом себе — сделать невыразимое выразимым, дать язык «святым в сердце звукам»:

О Иисусе, в крестной муке
Преклонивший лик!
Есть *святые в сердце звуки*, —
Дай для них язык! [8. С. 16].

Этот мотив невыразимости святых звуков, чувств и снов, идущий от В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, у И.А. Бунина подхватывается также в стихотворении «Что в том, что где-то, на далеком...» (1895). В финале стиха звучит риторический вопрос:

О, сколько их — *невыразимых*,
Ненужных миру чувств и снов,
Душою в сладкой муке зримых, —
И что они? И *чей в них зов*? [8. С. 35].

По-видимому, герой стихотворения пытается понять: это зов Бога-Творца или природы-творения. Судя по тому, что бунинская поэзия в ранние годы вдохновлялась русской природой, именно ее зов пробуждает невыразимое. Именно природе, а не человеку дарится и радость встречи Светлого Праздника Пасхи. Для человека Воскресение Христово не становится глубоко личным событием. Оно лишь указывает ему на очередной яркий эпизод всемирной мистерии:

Христос воскрес! Опять с зарею
Редает долгой ночи тень,
Опять *зажегся над землею*
Для новой жизни *новый день*.

.....

Еще в синеющих долинах
Плывут туманы... Но смотри:
Уже горят на горных льдинах
Лучи огнистые зари!

.....

Они взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес! [8. С. 42].

Процитированные выше стихотворения являются ключевыми для И.А. Бунина конца 1880—1890-х гг., поскольку приоткрывают важные грани его мирозерцания. В плане жизненного материала, из которого оно вырастает, ранняя поэзия И.А. Бунина отмечена интересом к природе, или миру естественного, и к храмам, или миру сакрального. Здесь — истоки бунинской натурфилософии (ее художественные проявления: «медиумизм», обожествление природы). Здесь же — ключ к бунинской эстетике религии (поэтизация священного, иногда приводящая к десакрализации). В дальнейшем натурфилософия И.А. Бунина будет

менять свои «оттенки». Точно так же и поэтизация сакрального. Она коснется не только мира католического, но и мира православного, мусульманского, буддийского. Все в совокупности это станет одной из основных причин религиозно-эстетического синкретизма — квинтэссенции художественного мирозерцания зрелого И.А. Бунина, его воззрений поздних лет.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Чулков Г.И. Листопад // Чулков Г.И. Покрывало Изиды: Критические очерки. М.: Журн. «Золотое руно», 1909.
- [2] Блок А.А. О лирике // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. — Т. 7. — М.: Наука, 2003.
- [3] Батюшков Ф.Д. И.А.Бунин // Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. С.А. Венгерова. — М.: Республика, 2004.
- [4] Степун Ф.А. Ив. Бунин. Избранные стихи // Современные записки. — 1929. — Кн. 39.
- [5] Степун Ф.А. И.А. Бунин русская литература // Степун Ф.А. Портреты. — СПб.: РХГИ, 1999.
- [6] Устами Буниных. Дневники: В 2 т. — Т. 1. — М.: Посев, 2004.
- [7] Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. — Т. 1. — М.: Индрик, 1994.
- [8] Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. — Т. 1. — М.: Terra-Книжный клуб, 2009.
- [9] Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч.: В 6 т. — Т. 2. — М.: Классика, 2003.
- [10] Ильин И.А. Россия в русской поэзии // Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. — М.: Искусство, 1993.
- [11] Надсон С.Я. Полное собрание стихотворений. — СПб.: Академический проект, 2001.

THE POETICAL WORLD-VIEW OF THE EARLY I.A. BUNIN (THE POETRY OF THE LATE 1880TH — 1890TH)

R.M. Balanovskiy

The Chair of Russian Literature and Journalism of the 20th—21th Centuries
Moscow Pedagogical State University
M. Pirogovskaja str., 1, Moscow, Russia, 119435

The reflection of the early Bunin's worldview in his poetry of the late 1880th — 1890th is studied in the article. The article shows how Bunin's worldview is reflected in the motives and images of his poetry and how Russian classical poetry of the 19th century influences on it.

Key words: I.A. Bunin, worldview, poetry, tradition, lyrical hero, motive, contemplator.